

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснова О.К. Романы П.Д. Боборыкина 1860-1870-х гг. : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / О.К. Краснова. – Ленинград, 1983. – 16 с.
2. Самусенко В.И. Особенности стиля прозы П.Д. Боборыкина // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века: межвузовский сборник научных трудов. – М., 1988. – С. 118-123.
3. Чупринин С.И. Труды и дни П.Д. Боборыкина / Боборыкин П.Д. Сочинения. В 3-х тт. – Т. 1. – М., 1993. – С. 5-26.
4. Щеблыкин С.И. Романы П.Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века: автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филолог. наук : 10.01.01 «Русская литература» / С.И. Щеблыкин. – Тамбов, 2005. – 46 с.
5. Жук А.А. Русская проза второй половины XIX века / А.А. Жук. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
6. Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2-х тт. / П.Д. Боборыкин. – М.: Художественная литература, 1965.
7. Боборыкин П.Д. Сочинения в 12 тт. – СПб.; М.: Издательство товарищества М.О. Вольфа, 1885-1887.
8. Русская повесть 19 века. История и проблематика жанра / Под ред. Б.С. Мейлаха. – Л.: Наука, 1973. – 566 с.

УДК 821.161.1 – 3.02 «1860/1880»

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ ЖЕНСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 60-80-Х ГОДОВ XIX СТОЛЕТИЯ

Погребная В.Л., д. филол. н., профессор

Запорожский национальный технический университет

В статье рассматривается проблема рецепции женского творчества в критике и публицистике 60-80-х гг. XIX столетия.

Ключевые слова: эмансипация, специфика женского творчества, автобиографизм, лиризм, субъективность, исповедальность.

Погребна В.Л. ПРОБЛЕМА ПРИРОДИ ЖІНОЧОЇ ТВОРЧОСТІ В ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ І ЛІТЕРАТУРНО-КРИТИЧНОМУ ДИСКУРСІ 60-80-Х РОКІВ XIX СТОЛІТТЯ / Запорізький національний технічний університет, Україна

У статті розглядається проблема рецепції жіночої творчості в критиці та публіцистиці 60-80-х рр. XIX століття

Ключові слова: емансипація, специфіка жіночої творчості, автобіографізм, ліризм, суб'єктивність, сповідальність

Pogrebnaia V.L. THE PROBLEMS OF THE FEMALE ART NATURE IN PUBLICISTIC AND LITERARY-CRITICAL DISCOURSE OF 60-80-TH IN THE XIX CENTURE / Zaporozhye national technical university, Ukraine.

The article touches upon the problem of the female art reception in the critics and publicism of 60-80-th in the XIX centure.

Key words: emancipation, female art peculiarity, authobiographism, lyrics, subjectivity, confession

Сегодня многое переосмысливается и в обществе, и в культуре, наметились тенденции изменения традиционных литературных стереотипов, в литературоведении развиваются новые методологические подходы, в частности, гендерный подход, направленный на переосмысление сущности реального женского опыта, позволяющий при анализе произведений женщин-писательниц учитывать особенности женского письма. В гендерных исследованиях обосновывается различное восприятие мужчиной и женщиной мира, а отсюда различия их «голосов» в литературе. В связи с этими тенденциями обращение к изучению природы творчества русских писательниц 60-80-х гг. XIX века представляется нам актуальным.

Степень изученности женской литературы невелика, хотя следует заметить, что женское творчество 60-80-х гг. XIX века привлекало внимание ряда критиков и публицистов этого же периода (работы М. Протопопова [1], П. Боборыкина [2], К. Арсеньева [3], В. Чуйко [4; 5] и др.). В изучение творчества своих сестёр по перу включились и женщины-критики и публицистки (Е. Тур [6], Н. Хвошинская [7-9], М. Цебрикова [10; 11], Е. Чебышева-Дмитриева [12], Е. Колтоновская [13]), высказавшие отдельные небезытересные замечания о природе женского творчества.

В последнее время интерес к женскому творчеству возрос. Появился целый ряд работ, в которых обосновывается необходимость изучения творчества писательниц, в том числе и писательниц 60-80-х гг. XIX столетия, как особого культурного феномена, заново открываются или переосмысливаются женские тексты, изучается специфика женского письма. Следует заметить, что в этом направлении уже сделаны первые шаги (работы Э. Шоре [14], И. Савкиной [15], А. Розенхольм [16] и других исследователей, в которых рассматриваются отдельные существенные вопросы художественного своеобразия женских текстов XIX столетия).

Цель нашего исследования: углубление научных представлений о восприятии и оценке женского творчества публицистами, критиками, писателями второй половины XIX века. Поскольку в 1860-80-е годы пальма первенства среди писательниц принадлежала В. Крестовскому-псевдониму (псевдоним Н.Д. Хвошинской, по мужу – Зайончковской) и Марко Вовчок (псевдоним М.А. Вилинской, в первом браке – Маркович, во втором – Лобач-Жученко), мы обратимся к рассмотрению рецензий, отзывов, комментариев, посвящённых, преимущественно, их романам.

Рецензии критиков-радикалов на романы Н.Д. Хвошинской ([17-19]), М. Вовчок ([20-22]) отличаются необъективностью, предвзятостью, подчас грубостью и резкостью. Именно критики-народники назвали романы Марко Вовчок «несвоевременными», «сентиментально-идиллическими», поставили на них клеймо – произведения «второстепенной» важности, во многом повлияли на дальнейшее восприятие романов «Живая душа», «В глуши» (эти произведения были практически исключены из литературно-критического дискурса вплоть до 1950-60-х годов).

Критики и публицисты народнического и либерального толка – А. Скабичевский, П. Ткачёв, Н. Шелгунов, М. Протопопов, В. Чуйко и др., выделяя такие особенности женской манеры письма как субъективность, лиризм, чувствительность, сентиментальность, рассматривали их как признаки, указывающие на несовершенство женского творчества по сравнению с мужским, тем самым отказывая женщинам-писательницам в таланте.

Радикалы-народники негативно оценивали женское творчество, прежде всего потому, что оно не соответствовало их идеологическим установкам. Женщины-авторы, с их точки зрения, недостаточно определённо высказывали свои политические взгляды. Действительно, писательниц интересовали, прежде всего, проблемы нравственные, общечеловеческие, надвременные, вопросы межличностных и семейных отношений, а затем уже проблемы идеологические, политические, которые являются временными, проходящими. Е.А. Акелькина справедливо считает, что женская беллетристика 60-70-х годов XIX столетия «уравновешивает политизированность и идеологизированность произведений авторов-мужчин» [23, с. 52].

Помимо идеологических причин неприятия мужской критикой творчества писательниц, существуют причины эстетического, художественного плана. Многие «претензии» Н. Шелгунова, П. Ткачёва, А. Скабичевского строятся на неприятии женской природы письма романисток. Так, Н.В. Шелгунов в статье «Глухая пора», упрекая автора романа «Живая душа» в «сентиментализме» [21, с. 15], замечает: «У Вовчка всё очень слезливо, сладко, нежно, рыхло и бессильно-говорливо» [21, с. 17]. Или: «Тенденциозность Вовчка узкосемейная, с значительной долей жоржсандизма, переходящая в сладость и в напускную, сочинённую чувствительность, точно он пишет для нежных барышень и институток» [21, с. 21]. П. Ткачёв в статье «Литературное попури», посвящённой разбору романа Вовчок «В глуши», даёт подобную оценку: «... излишняя сентиментальность, приторный лиризм и здесь мешают ему (М. Вовчок – В.П.) видеть предметы в их настоящем свете и заставляют его нередко рассыропливать и подкрашивать грубый реализм жизни» [22, с. 307]. В этой же статье критик называет художественную кисть «слезоточивого» Марко Вовчок «детской, нежной кисточкой» [22, с. 307]. Само по себе это замечание интересно тем, что даже в «нежности» Ткачёв видит недостаток.

Подобные оценки были даны народнической критикой и романам Н.Д. Хвошинской. А. Скабичевский, например, в статье «Волны русского прогресса» (Отечественные записки, 1872, № 1), анализируя роман «Большая Медведица», обвиняет писательницу в «сентиментальном идеальничаньи» [17, с. 41].

И. Казакова в статье «Критика и публицистика конца XIX – начала XX веков о творчестве русских писательниц» делает правильный вывод о самом подходе критиков-мужчин к оценке женского творчества: «Доказывая слабость женской литературы, критики сравнивали её с лучшими образцами так называемой «мужской» литературы, а её особенности и характерные черты рассматривали как

недостаток» [24, с. 63]. Лишь немногие критики (это были, по преимуществу, критики-женщины), напротив, высказывали мнение, что именно отличительные черты женского творчества представляют наибольшую его ценность.

Одними из первых в русской критике конца XIX – начала XX века к проблеме отличительных особенностей женского литературного творчества обратились О.А. Шапир и Е. А. Колтоновская. Они заговорили от лица женщин-писательниц, которые хотели защитить свои права в жизни и творчестве, права на свою женскую субъективность, на женское видение мира, на ценность своего взгляда. Книгу Е.А. Колтоновской «Женские силуэты» (1912) современные исследователи рассматривают как «теоретическое обоснование женского творчества» [25]. В книге характеризуется творчество писательниц 60-90-х годов XIX столетия, выявляются специфические черты женской природы и женского письма. Автор обнаруживает различия как в смысловом содержании «мужских» и «женских» текстов, так и в их стилистическом оформлении. Сегодня такой подход к изучению литературы называют гендерным.

Колтоновская считает, что те писательницы, которые во всём подражают мужчинам-писателям, «подавляют и обесцвечивают свою природу, утрачивают оригинальность» [13, с. VIII]. По её мнению, особенностями женского творчества являются «крайний субъективизм и чрезмерная эмоциональность» [13, с. 79]. О. Шапир тоже полагает, что писательницы не должны подделываться под «мужское перо». В статье «Вопреки обычаю» (впервые опубликована в газете «Новости и Биржевая газета» (1891, № 132, 14 мая, С. 2-3), переиздана И. Юкиной в 1997 году) критик утверждает: «... серьёзная цена женским произведениям, именно, в том и заключается, что есть в них самобытного, женского – такого, чего не скажет, потому что и знать не может автор-мужчина; поскольку звучит в них голос женщины за себя и её суд над мужчинами со стороны тех многосторонних интимных жизненных отношений, где только ей люди являются нараспашку, без всяких прикрас и лицемерий» [26, с. 99].

Женская природа всегда берёт верх и в жизни, и в творчестве писательниц. То, что под мужским псевдонимом пишет женщина, современники Марко Вовчок догадались сразу, ибо особый лиризм, эмоциональность, проникновенность, искренность, «женственность» её прозы, совершенно особая ирония навряд ли могли быть свойственны манере мужчины-писателя. Украинский баснописец Л. Глибов в мае 1858 г. пишет А. Шишацкому-Илличу: «Вы думаете, что М. Вовчок – тот же Кулиш. Вряд ли... Мне кажется, что автор рассказов – женщина...» [27, с. 34]. Нельзя не согласиться с С. Павлычко, которая отмечает: «Женщины живут сердцем, мужчины – умом, – эта банальная сентенция имеет большое значение в контексте творчества Марко Вовчок. Она сама человек сердца, она пишет сердцем о чувствах» [28, с. 88]. Героини её художественных произведений (повести «Три сестры», романа «В глуши» и др.) живут своими чувствами, любовь в их жизни занимает не последнее место, они готовы ради неё даже умереть. Например, Маня, героиня романа «В глуши», чтобы доказать Хрущову свою любовь, бросается в обрыв. П. Ткачёв и В. Марков видели в этой сцене наигранность, ходульность, неправдоподобие [22], [29], поскольку оценили её с чисто мужской точки зрения. Они заявили, что либеральный барин Хрущов в силу своего ничтожества не мог оказать какое-либо влияние на Маню, а тем более вызвать любовь героини. Такие утверждения представляются довольно спорными, поскольку запрограммировать возникновение любви пока ещё никто не смог. Критики-народники неправдоподобным считали и «выход» «новых женщин» в романах Хвоцинской и Вовчок из-под влияния «развивателей». Нам этот «выход» не представляется искусственным, поскольку изображённые писательницами «развиватели» таковыми оказываются только на словах, а не на деле. Героини борются со своими чувствами, их разочарование изображается как процесс долгий и болезненный. Хвоцинская и Вовчок подходят к проблеме женской эмансипации не только с позиций идеологических, но и с чисто женской точки зрения, учитывают те нюансы в психологии женщины, которые мужская литература и критика не замечает.

Немало раздражала критиков и склонность писательниц к детализации, использованию, с их точки зрения, ненужных подробностей. Н.В. Шелгунов в статье «Женское бездушие. По поводу сочинений В. Крестовского-псевдонима» (Дело, 1870, № 9) в способности Хвоцинской «углубляться в человеческую душу и разбирать каждое побуждение, каждое чувство по ниточкам» [18, с. 8] видит не особенность её творческой манеры (писательница, действительно, часто подробно и детально описывает малейшие движения души), а грубый недостаток.

Женщины лучшие, чем мужчины, рассказчицы о себе, своих чувствах, мыслях, мечтах. Об особой компетентности писательниц в изображении женских характеров упоминает В. Чуйко в статье «Современные женщины-писательницы». Критик пишет: «... во всём, что касается изучения женского сердца и характера, женщины-писательницы несомненно имеют пальму первенства... нет ничего реальнее, объективно правдивее, как их отзывы о женщинах: тут их наблюдательность, проникательная, тонкая, безжалостная, неумолимая, достигает до таких размеров, как ни у одного из мужчин-писателей. Беллетрист всегда смотрит на женщину односторонне: он не изучает женщины, а восхищается ею или

ненавидит её, смотря по расположению духа. Беллетристика, напротив, всегда очень тщательно изучает женщину» [5, с. 50].

В романах Марко Вовчок и Надежды Хвоцинской «рассыпано» множество подробностей житейской обстановки и внутреннего мира женщин. «Женское сердце» они анализируют с необыкновенным искусством и тонкостью. Конечно, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой в своих романах воспроизводят некоторые детали женской жизни, однако в их творчестве нет той женской наблюдательности над малейшими изменениями настроения и чувств, бесчисленных «мелочей» – крупинок реальной женской жизни. Об особой женской наблюдательности не раз упоминали сами мужчины-писатели. Так, например, П. Боткин в письме к И. Тургеневу от 10 июля 1855 г. замечает: «...хорошие женские повести я читаю с каким-то особенным удовольствием; для меня интерес их заключается не в сюжете, а в движениях женского ума, в процессе женской особого рода наблюдательности, в процессе их симпатий и антипатий, вообще в движениях женской души, которую мы так мало знаем» [30, с. 59-60].

Проблемы семьи, брака, любви, женской эмансипации, в большинстве случаев, интересуют женщин чаще, нежели мужчин. Писательницам более свойственно, нежели мужчинам-писателям, внимание к «мелочам» повседневной жизни (отсюда изобилие в женских романах бытовых подробностей), детализация в описании чувств, точность в обрисовке мельчайших психологических нюансов.

В мужских и женских текстах различны принципы типизации. Писательницы и семейные, и личные, и общественные отношения между людьми рассматривают путём перечисления и осмысления подробностей повседневной жизни. В женских текстах зафиксированы обыденные понятия и способы понимания мира, которые чаще всего не представляют интереса для мужчин. Повествование о частной жизни, повседневном быте, детях, семье всегда более эмоционально и живо в женских воспоминаниях и романах, нежели в мужских, поскольку женщины изображают свою сферу жизни, близкую, понятную для них.

Большинство художественных произведений писательниц второй половины XIX века воспринимаются как по-своему незаменимые документы, доносящие до современного читателя женский опыт. Повествуя об общественных нравах и духовном состоянии русского общества, формировании женского самосознания, писательницы 60-80-х годов XIX столетия остаются, по преимуществу, реалистками. Главные герои их произведений, как правило, не являются выдающимися личностями, лучшие из них стремятся не к романтическим подвигам или приключениям, а к повседневному труду на благо себя и других, и именно в этом видят своё предназначение.

Творчество Хвоцинской, Панаевой, Марко Вовчок, С. Смирновой связано, прежде всего, с реалистической школой. Формирование эстетического идеала писательниц 60-80-х гг. XIX столетия приходится на 40-50-е гг., когда в Западной Европе и России «расцветает» реализм. Выдающаяся писательница того времени, Н.Д. Хвоцинская, в своём шестом «Провинциальном письме о нашей литературе» называет В.Г. Белинского «вечным» и «единственным примером», «учителем целой школы» [9, с. 50], ставящей основной целью художественного творчества – правдивое изображение действительности. В этой же статье писательница чётко выражает своё творческое кредо – верность «идеи», «направлению», «действительности» [9, с. 59]. Такое творческое кредо было и у С. Хвоцинской, А. Панаевой, Марко Вовчок, Л. Ожигиной и других писательниц этого периода.

Однако нельзя не учитывать тот факт, что на писательниц оказали влияние не только писатели реалистической школы (прежде всего, Белинский и Гоголь), но и романтики. В. Горленко, хорошо знавший Н.Д. Хвоцинскую, в своих воспоминаниях так характеризует её литературные вкусы: «У неё была явная, нескрываемая склонность к романтикам, создавшим свои произведения на подкладке общественных течений, царивших в конце сороковых годов. Она боготворила Гюго и Жорж Санд и предпочитала их всем позднейшим звёздам французской литературы» [31, с. 660].

Романистика писательниц 60-80-х годов XIX века имеет реалистическую направленность, ориентирована на земную, реальную сферу, однако в ней присутствуют романтические тенденции. А.И. Белецкий справедливо считает, что женщина-писательница не может не быть романтиком в силу своей природы: «Женское творчество в области слова всегда более или менее романтично: и лишь отрекаясь от своего женского «я» – женщина-поэт может заглушить в нём романтические ноты» [32, с. 896]. С романтизмом писательниц второй половины XIX века связывает романтическое восприятие любви, более того, они признают чувство любви самым высоким назначением человека, смыслом женского существования.

Несмотря на то, что большинство писательниц 60-80-х годов XIX века в своём творчестве выходят за пределы своих личных чувств и интересов, изображают не только внутренний мир женщины, её взаимоотношения с окружающими, но и обращаются к более широкому кругу проблем (общественное предназначение человека, духовное состояние общества и т. д.), всё же любовные коллизии являются приоритетными в художественной структуре их романов. Если в мужской романистике того времени

«жизнь сердца» может присутствовать, а может и отсутствовать, то в женской она всегда отражена – естественно, искренне, просто, жизненно и правдоподобно.

Не менее романтичным, чем восприятие любви, было у писательниц и восприятие природы, которая осознавалась ими как некая высшая гармония. Связать человека с природой, по их представлениям, может лишь любовь (вспомним, например, сцену романа Хвошинской «Большая Медведица», когда Верховский и Катерина говорят о любви на фоне чудной ночи, созерцая звёзды на небе и прямо соотнося своё внутреннее состояние с природными явлениями, или многочисленные подобные сцены в романах «Встреча», «Обязанности» Н. Хвошинской, «Живая душа» и «В глуши» М. Вовчок).

Одной из неотъемлемых характеристик женского творчества является лиризм. В художественной ткани романов он проявляется, прежде всего, в использовании самых различных пейзажей. Пейзаж может быть не только фоном сюжетного действия, средством социально-политического, философского осмысления действительности, но и формой выражения лирической позиции повествователя или внутреннего мира героя. Именно литературная традиция романтизма создала парадигмы самовыражения через пейзаж, который передаётся в женской литературе, как правило, романтическими красками и служит созданию декоративности и живописности фона.

В женской литературе отношение к природе является важным нравственным критерием оценки героя. «Чувствуют» и любят природу, как правило, лучшие герои, люди духовные и высокоразвитые (Катерина, главная героиня романа Хвошинской «Большая Медведица», Ахтаровская, героиня её же романа «Встреча», Маша, героиня романа М. Вовчок «Живая душа», Маня, героиня романа «В глуши» и т.д.).

Лирический пейзаж как средство выражения авторского эмоционального отношения к происходящему создаёт особое настроение, из которого «вытекает» образность стиля. В произведениях писательниц преобладает эмоциональная стихия, свойственная, по преимуществу, женщинам. Она присуща более романтическому мироощущению, нежели реалистическому. Женская эмоциональность и лиризм проявляются не только в использовании эпитетов, сравнений, метафор и других средств изобразительности, но и в частом использовании самых различных интонационно-синтаксических средств (риторические восклицания, вопросы, обращения, эллипсис, инверсия, повторы).

В женском творчестве большую роль играют эмоциональные излияния чувств в форме комментариев, авторских отступлений, использование которых предопределено внутренней потребностью писательниц высказаться непосредственно. Большинство авторских отступлений в романистике Хвошинской и Марко Вовчок – это рассуждения, размышления на философские, общественные, нравственно-этические, психологические, бытовые и др. темы. По преимуществу, они носят публицистический, дидактический характер и выполняют функцию детального ознакомления с точкой зрения автора.

И Марко Вовчок, и Надежда Хвошинская редко скрывают свои личные симпатии и антипатии, субъективные оценки. В их романах, как правило, присутствует авторский комментарий, который отличается особой эмоциональностью и искренностью.

С нашей точки зрения, наличие прямых авторских оценок и комментариев в романах Хвошинской, Вовчок, Смирновой, Дмитриевой, Конради, Ожигиной не является показателем неумения писательниц, а только лишь свидетельствует о том, что женская «чрезмерная» (с точки зрения мужчин) эмоциональность, искренность и субъективность проявлялись именно так. Желание высказаться сиюминутно, прямо выразить свои мысли брало верх. Писательницы часто в своих романах используют форму переписки, дневника, рассказа от лица очевидца. Как правило, под вымышленным «я» чувствуется автор.

Вспомним рецензию Н.А. Некрасова на роман Хвошинской «Последнее действие комедии» (Современник, 1856, №4), в которой он замечает, что писательнице свойственен излишний субъективизм: «Тепло, гуманно перо автора, но торопливо и слишком резко там, где должен всплыть наружу весь герой, и часто автор, совершенно некстати, выскакивает сам на страницы своего романа. Это вредит делу» [33, с. 399]. Субъективизм и морализаторство писательницы отмечал и П. Никитин (Ткачёв) в статье «Гнилые корни» (Дело, 1880, № 2) [19, с. 322].

Чрезмерный субъективизм, дидактизм и морализаторство писательницы нередко порицались народнической критикой. Иной и более объективной нам представляется позиция П. Боборыкина, который не был согласен с подобными оценками. Он выступил в защиту Хвошинской в статье «Беллетристы старой школы (В. Крестовский-псевдоним)», подписавшись Б.Д.П. (Слово, 1879, № 7). П. Боборыкин впервые посмотрел на её творчество с точки зрения отражения в нём женского опыта. Сегодня такой подход называли бы гендерным. Женщинам, считает автор статьи, в большей мере, чем мужчинам, свойственна субъективность. Именно поэтому они черпают сюжеты и мотивы преимущественно из своей жизни. Женщины-писательницы находятся в необычных, новых для себя условиях; борясь за свои права, они выступают в роли «защитника, адвоката, протестанта» [2, с. 29]. Именно поэтому они вкладывают в уста действующих лиц свои мысли.

Оригинальный взгляд на женскую субъективность высказывает один из критиков «Отечественных записок», который, подписавшись Н.И., в рецензии на собрание сочинений Н.Д. Хвоцинской, отмечает: «Родник её литературной деятельности один с Евгенией Тур – бьющаяся, порывистая, почти нервная мысль, желающая высказаться, субъективность, дающая лирический оттенок созданиям обеих писательниц и особую грациозно-поэтическую прелесть их рассказу» [34, с. 112]. Он рассматривает субъективность, лиризм, эмоциональность как природные черты женского стиля.

Эти же сугубо женские черты присущи и творческой манере Марко Вовчок (Н.Е. Крутикова, характеризуя стиль романа «Живая душа», отмечает, что ему свойственна «особая лирическая струя» [35, с. 318], «усиленная субъективность» [35, с. 323]).

Лиризм, эмоциональность, непосредственность характерны более для женского творчества, нежели для мужского. Тон повествования в женской литературе, как правило, – доверительный. Исповедальному, искреннему тону способствует обильное использование писательницами писем, дневников, записок, воспоминаний, которые необходимо расценивать как характерные приёмы раскрытия внутреннего мира героинь, формы их самовыражения.

Романистика писательниц 60-80-х годов XIX столетия носит, по преимуществу, автобиографический характер (романы Марко Вовчок «Живая душа», «В глуши», Н. Хвоцинской «Большая Медведица», Е. Конради «Исповедь матери», Н. Дмитриевой «На перепутьи» и др.), поскольку в ней они отразили некоторые вехи своего жизненного пути, своё собственное развитие. Женщины-писательницы, преимущественно, черпали сюжеты из своей жизни (иногда они изображали сами себя, примеры – роман Ю.В. Жадовской «В стороне от большого света», Е.П. Ростопчиной «Счастливая женщина»), изображали свой опыт «из души», «изнутри». Их произведения являются реализацией женской субъективности, отражением судьбы, эмоций, взглядов. Этим-то женские романы и ценны, любопытны, как непосредственное изображение жизненного пути культурной женщины дореформенной и пореформенной эпохи.

Женские способы художественного осмысления действительности и самовыражения не лучше и не хуже мужских, они просто иные. Каждый человек имеет право на выражение своей гендерной сущности – мужской или женской.

Женщины-писательницы, по сравнению с мужчинами-писателями, в своём творчестве проявляют повышенное внимание к темам любви, повседневного быта, взаимоотношения мужчины и женщины. Многие темы, разрабатываемые писательницами этого периода, уникальны по своему содержанию, поскольку они почти не затронуты или недостаточно затронуты в творчестве мужчин-писателей, незнакомы и малопонятны для них (например, темы беременности, родов, взаимоотношений матери и ребёнка и т.д.). Весомым в творчестве Хвоцинской, Вовчок, Панаевой и др. является романтический, «идеальный» элемент.

В творчестве писательниц 60-80-х годов XIX столетия ощутимо женское начало, которое характеризуется глубоким психологизмом в передаче тончайших нюансов в «движениях» женского ума и женской души, автобиографизмом, склонностью к чрезмерной детализации и использованию подробностей, проникновенностью, искренностью и исповедальностью тона, непосредственностью и свежестью. Манера письма этих писательниц отличается особой эмоциональностью, тонким лиризмом и субъективностью, которые являются художественными приметами женского творчества.

Как это ни парадоксально, представления о женственности как дефектности и девиации были присущи именно русским радикалам, борющимся за женское равноправие, однако игнорирующим женское творчество как таковое (Н.В. Шелгунов, П.Н. Ткачёв, А.М. Скабичевский и др.). Только совершенно непонимание природы женщины, особенностей её мировосприятия и самовыражения, отрицание всего того, что связано с чувствами, романтикой, лиризмом, могло привести к подобным умозаключениям.

Лишь немногие критики (это были, по преимуществу, критики-женщины), напротив, высказывали мнение, что именно отличительные черты женского творчества представляют наибольшую его ценность.

Сказанным нами не исчерпываются дальнейшие перспективы изучения природы неизученного и полузабытого женского творчества 60-80-х годов XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протопопов М. Женское творчество / М.Протопопов // Русская мысль. – 1891. – № 1. – С. 98–112; №2. – С. 161–181; № 4. – С. 123–141.
2. Б.Д.П. Беллетристы старой школы (В. Крестовский-псевдоним) / П.Д. Боборыкин // Слово. – 1879. – № 7. – Отд. II. – С. 1–52.
3. Арсеньев К.К. В. Крестовский (псевдоним) // Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе: в 2 т. – Т.1. – СПб., 1888. – С. 255–350.

4. Чуйко В.В. Крестовский-псевдоним: Критический очерк / В. Чуйко // Наблюдатель. – 1889. – № 8. – С. 37–60.
5. Чуйко В. Современные женщины-писательницы / В. Чуйко // Наблюдатель. – 1889. – № 4. – С. 23–50.
6. Тур Е. По поводу романа В. Крестовского «В ожидании лучшего» / Е. Тур // Русская речь. – 1861. – №12. – С. 181–186.
7. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо второе. Византийский пафос или повесть г-жи Кохановской «Кирилла Петров и Настасья Дмитрива» / Н.Д. Хвошинская // Отечественные записки. – 1862. – № 1. – С. 364–374.
8. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо третье. «Женская доля», роман Станицкого (Современник, №3), «Отсталая», повесть г-жи Жадовской (Время, №12) / Н.Д. Хвошинская // Отечественные записки. – 1862. – № 5. – С. 24–52.
9. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо шестое. Рассказы женщин о женщинах / Н.Д. Хвошинская // Отечественные записки. – 1862. – №11. – С. 48–60.
10. Цебрикова М. Русские женщины-писательницы / М. Цебрикова // Неделя. – 1876. – № 13–14. – С. 430–443; № 21–22. – С. 695–709.
11. Цебрикова М. Художник-психолог (Романы и повести В. Крестовского-псевдонима) / М. Цебрикова // Образование. – 1900. – №1. – С.17–34; №2. – С. 37–54.
12. Чебышева-Дмитриева Е.А. Русская женщина в изящной литературе и журналистике / Е.А. Чебышева-Дмитриева // Женское дело. – 1900. – № 8–9. – С. 186–194.
13. Колтоновская Е.А. Женские силуэты (писательницы и артистки) / Е.А. Колтоновская. – СПб.: Типо-лит. Акционерного Общества «Самообразование», 1912. – С. 68–80.
14. Шоре Э. Феминистское литературоведение на пороге XXI века. К постановке проблемы (на материале русской литературы XIX века) / Элизабет Шоре // Литературоведение на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. МГУ, май 1997 г. – М., 1998. – С. 97–103.
15. Савкина И. Кто и как пишет историю русской женской литературы / Ирина Савкина // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 24. – С. 359–372.
16. Rosenholm A. Gendering awakening: Femininity and the Russian woman question of the 1860 s. / A. Rosenholm. – Helsinki: Kikimora publ., 1999. – 660 p.
17. Скабичевский А. Волны русского прогресса / А. Скабичевский // Отечественные записки. – 1872. – №1. – Отд. II. – С. 1–41.
18. Шелгунов Н. Женское бездушие. По поводу сочинений В. Крестовского-псевдонима / Н. Шелгунов // Дело. – 1870. – № 9. – С. 1–34.
19. Никитин П. Гнилые корни / П.Н. Ткачёв // Дело. – 1880. – № 2. – С. 315–344.
20. Ткачёв П. Подрастающие силы / П. Ткачёв // Дело. – 1868. – № 9. – С. 1–27; № 10. – С. 1–32.
21. Шелгунов Н.В. Глухая пора / Н. Шелгунов // Дело. – 1870. – № 4. – С. 1–38.
22. Никитин П. Литературное попури / П. Ткачёв // Дело. – 1876. – № 5. – С. 295–320.
23. Акелькина Е.А. Женская беллетристика как новый культурный феномен в журналах Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» и «Эпоха» / Е.А. Акелькина // Общество. Гендер. Культура: Материалы международной научно-практической конференции. (Омск, 20-21 сентября 2001 г.). – Омск, 2001. – С. 52–55.
24. Казакова И. Критика и публицистика конца XIX – начала XX веков о творчестве русских писательниц / И. Казакова // Преображение. – 1995. – № 3. – С. 63–67.
25. Михайлова М. Книга Е.А. Колтоновской «Женские силуэты» – теоретическое обоснование женского творчества / М. Михайлова // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 127–135.
26. Шапир О. Вопреки обычаю / О. Шапир // Преображение. – 1997. – № 5. – С. 97–104.
27. Лобач-Жученко Б.Б. Літопис життя і творчості Марка Вовчка / Б.Б. Лобач-Жученко. – К.: Дніпро, 1983. – 463 с.
28. Павличко С. Фемінізм / Соломія Павличко. – К.: Вид-во С. Павличко «Основи», 2002. – 322 с.
29. Марков В. Мишурная филантропия // Марков В. Навстречу. Очерки и стихотворения. – СПб., 1878. – С.202–209.
30. В.П. Боткин и И.С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851–1869. – М.; Л.: Academia, 1930. – 350 с.

31. Горленко В. Крестовский-псевдоним (Воспоминание) / В. Горленко // Русский архив. – 1897. – № 4. – С. 658–663.
32. Белецкий А.И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860 гг. I–V / А.И. Белецкий. – Харьков, 1919. Отдел рукописей Института литературы НАН Украины, фонд 162, ед. сб. 519.
33. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти тт. – М.: Гослитиздат, 1948–1953.
34. Н.И. Романы и повести В. Крестовского, шесть томов. – СПб., 1859 / Н.И. // Отечественные записки. – 1859. – № 6. – С.102–112.
35. Крутікова Н.Є. Сторінки творчого життя. (Марко Вовчок в житті і праці) / Н.Є. Крутікова. – К.: Дніпро, 1965. – 390 с.

УДК 82+81'42-055.2

ФЕМІННИЙ ГЕНДЕР ЯК ЧИННИК ВИДІЛЕННЯ МАСИВУ “ЖІНОЧОЇ” ПРОЗИ: АРГУМЕНТИ PRO I CONTRA

Рижкова Г.М., к.філол.н.

Міністерство освіти і науки України

У статті здійснена спроба дати визначення поняттю "жіноча" проза, виділити й проаналізувати його основні складові компоненти.

Ключові слова: "жіноча" проза, "жіночий лист", "жіночий роман", "жанрові очікування", гендер.

Рижкова Г.Н. ФЕМИННЫЙ ГЕНДЕР КАК ФАКТОР ВЫДЕЛЕНИЯ МАССИВА “ЖЕНСКОЙ” ПРОЗЫ: АРГУМЕНТЫ PRO И CONTRA / Министерство образования и науки Украины, Украина.

В статье осуществлена попытка дать определение понятию «женская» проза, выделить и проанализировать его основные составляющие компоненты.

Ключевые слова: «женская» проза, «женское письмо», «женский роман», «жанровые ожидания», гендер.

Ryzhkova G.M. FEMALE GENDER AS A FACT OF FILE ALLOCATION OF “FEMALE” PROSE: ARGUMENTS PRO AND CONTRA / The Ministry of Education and sciences of Ukraine, Ukraine.

An attempt to define a concept of "female" prose, to allocate and analyse its basic making components are carried out in this article.

Keywords: "female" prose, "female letter", "female novel", "genre expectations", gender

“Жіноча” проза – це досить умовна назва того масиву вітчизняної літератури, що створюється в динаміці літературного процесу представницями жіночої статі, а отже, відображає не так тематику, проблематику, світоглядні риси, жанрово-стильові особливості творів, як гендерний чинник продукування певних художніх текстів. У той же час “жіноча” проза має й певну специфіку, що дозволяє виділяти цей шар літературного потоку в окремий ієрархічний рівень розвитку національної літератури.

У концептуальному плані “жіноча” проза та гомологічне їй поняття “жіночого письма” традиційно є майже синонімічними дефініціями якщо не “низкопробного”, то вже апіорі “слабкого” (слабшого від чоловічого – письма). Тому ті достатньо нечисленні дослідження, що стосуються “жіночої” прози і що можемо їх виділити в літературознавстві та критиці, як правило, відкриваються своєрідною конвенцією, тобто угодою дослідника з читачами на умовах певного наукового припущення.

Так, Н. Габріелян у статті “Єва – це означає “життя” (Проблема простору в сучасній російській “жіночій” прозі) [1] зразу ж підкреслює конвенціональний тип терміну “жіноча” проза, що, на її думку, стосується “прози, написаної жінками”. Поняття “жіноча” проза перебуває як носій певної семантики в опозиції дихотомічному йому поняттю “чоловіча” проза, що написана, відповідно, чоловіками. “При всьому вдаваному тавтологізму цих понять, – наголошує Н. Габріелян, – подібне уточнення дозволяє більш-менш запобігати деяким символічним пасткам, які закладені в словах “чоловіче” і “жіноче”. Ці поняття є в певній системі значеннєвих координат дефініціями не тільки біологічно-фізіологічного типу “жінка” та “чоловік”, а й оцінними, де “чоловіче” – це “верх”, “довершеність”, а “жіноче” – “низ”, “відсутність чи брак досконалості”.

Російська дослідниця в цьому сенсі цитує монографію американського психолога Ж. Чаплін, яка пише про “патріархальну парадигму” понять “маскулінного” і “фемінного”, котрим вповні властиві такі якості, як дихотомічність та ієрархічність: “Чоловіче” ототожнюється з духом, логосом, культурою, активністю, силою, раціональністю, світлом і таке ін., а “жіноче”, навпроти, – з матерією, хаосом, природою,